

И.П. Сенигов

**Историко-критические
исследования о Новгородских
летописях и о Российской
истории В.Н.Татищева**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
И11

И11 **И.П. Сенигов**
Историко-критические исследования о Новгородских летописях и о Российской истории В.Н.Татищева / И.П. Сенигов – М.: Книга по Требованию, 2022. – 446 с.

ISBN 978-5-458-01724-4

ISBN 978-5-458-01724-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

лѣтописанія, къ тому моменту, который представляетъ переходъ отъ лѣтописнаго изложенія описываемыхъ событій къ изложенію историко-прагматическому.

Первоначальная цѣль моихъ научныхъ занятій, имѣвшихъ предметомъ своимъ сравнительное изученіе древнѣйшихъ и позднѣйшихъ лѣтописныхъ сборниковъ, а также „Россійской Исторіи“ В. Н. Татищева, было историко-критическое разсмотрѣніе означенныхъ источниковъ Русской Исторіи. Но чѣмъ внимательнѣе и пристальнѣе всматривался я въ различнаго рода внѣшнія и внутреннія свойства изучаемыхъ мною источниковъ, тѣмъ болѣе убѣждался въ томъ, что, по причинѣ богатства содержанія и разнообразія представляемыхъ ими особенностей, для полученія болѣе точныхъ выводовъ и опредѣленныхъ результатовъ, при окончательной разработкѣ разсмотрѣннаго лѣтописнаго матеріала, необходимо ограничиться лишь рѣшеніемъ нѣкоторыхъ вопросовъ, касающихся древнѣйшей части какъ древне и старинно-русскихъ лѣтописныхъ сборниковъ, такъ и „Россійской Исторіи“ В. Н. Татищева.

Руководствуясь такого рода соображеніями, въ первыхъ двухъ изслѣдованіяхъ я ограничился рѣшеніемъ вопросовъ, касающихся лишь древне-новгородскихъ лѣтописей, а также позднѣйшихъ лѣтописей, имѣющихъ къ нимъ непосредственное отношеніе. При дословномъ сличеніи тѣхъ и другихъ, желая опровергнуть неосновательное и несправедливое мнѣніе г. Яниша, признающаго существованіе въ лѣтописныхъ сборникахъ позднѣйшаго происхожденія цѣлаго ряда поразительныхъ искаженій данныхъ древне-новгородской лѣтописи, я имѣлъ въ виду опредѣлить способъ отношенія московскихъ лѣтописцевъ къ древнимъ лѣтописямъ новгородскаго происхожденія и основную цѣль тѣхъ измѣненій, добавленій и пропусковъ, которые наблюдаются въ древнѣйшихъ лѣтописяхъ при сличеніи ихъ съ позднѣйшими, возникшими въ эпоху Московскаго самодержанія. Въ третьемъ изслѣдованіи (второй части сего сочиненія) я счелъ возможнымъ ограничиться разсмотрѣніемъ лишь той части „Россійской Исторіи“, которая соответствуетъ по содержанію „Повѣсти временныхъ лѣтъ“.

Между тѣмъ какъ въ первыхъ двухъ изслѣдованіяхъ главное вниманіе обращено на разсмотрѣніе вышнихъ свойствъ разбираемыхъ лѣтописей, а именно на рѣшеніе вопросовъ о времени возникновенія первоначальной лѣтописи и древнѣйшаго лѣтописнаго свода Великаго Новгорода, о составѣ этого послѣдняго и о личности Новгородскаго Нестора, въ третьемъ изслѣдованіи главнымъ образомъ имѣется въ виду рѣшеніе вопроса о внутреннихъ свойствахъ разсматриваемыхъ источниковъ Русской Исторіи, какъ-то о достовѣрности содержащихся въ нихъ извѣстій и о характерѣ или способѣ изложенія событий, описываемыхъ въ этихъ извѣстіяхъ.

Но вопросъ о достовѣрности лѣтописныхъ извѣстій, имѣющихся въ „Россійской Исторіи“ В. Н. Татищева, находится въ связи съ вопросомъ о личности автора упомянутого сочиненія, о его литературныхъ требованіяхъ, о присутствіи или отсутствіи у него какихъ-либо политическихъ тенденцій, а также съ вопросомъ о первоначальной редакціи указанныхъ извѣстій, вслѣдствіе чего третье изслѣдованіе содержитъ попытку разрѣшенія трехъ вопросовъ: 1) объ авторѣ „Россійской Исторіи“, какъ историкѣ; 2) о рукописяхъ этого труда, изъ которыхъ одна хранится въ библіотекѣ Императорской Академіи Наукъ, а другая въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ; разсмотрѣніе ихъ приводитъ насъ къ опредѣленію достоинствъ и недостатковъ редакціи Миллера, издателя „Россійской Исторіи“; 3) о достовѣрности такъ называемыхъ Татищевскихъ извѣстій. При рѣшеніи послѣдняго вопроса я заботился главнымъ образомъ о возможно широкомъ примѣненіи сравнительнаго метода къ изученію нашихъ лѣтописей, такъ что рѣшеніе только-что упомянутого вопроса основывается въ моемъ изслѣдованіи какъ на дословномъ сличеніи данныхъ „Россійской Исторіи“ съ соответственными данными всѣхъ изданныхъ лѣтописныхъ сборниковъ, такъ и на сопоставленіи содержащихся въ ней извѣстій съ извѣстіями иностранныхъ писателей.

Относительно имѣющихся въ концѣ обѣихъ частей моего изслѣдованія приложеній, полагаю нужнымъ замѣтить, что первыя два приложенія, содержащія въ себѣ предисловіе

Софійскаго временника въ трехъ редакціяхъ и извѣстія, не вошедшія въ составъ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“, но находящіяся въ лѣтописяхъ Софійской I, Воскресенской и Тверской, имѣютъ цѣлью показать степень зависимости двухъ изъ этихъ лѣтописей (Воскресенской и Тверской) отъ третьей (Софійской I) при изложеніи событій до и послѣ 989 года. Опредѣленіе таковой зависимости важно для рѣшенія вопроса о составѣ древне-новгородскаго лѣтописнаго свода и для показанія возможности возстановить потерянное начало Софійскаго временника на основаніи данныхъ позднѣйшихъ лѣтописей. Что же касается до трехъ послѣднихъ приложений, то первое изъ нихъ, заключающее въ себѣ сопоставленіе данныхъ „Россійской Исторіи“ съ соответственными данными Кенигсбергскаго списка, одного изъ главнѣйшихъ первоисточниковъ Татищевской „Исторіи“, имѣетъ значеніе при опредѣленіи способа отношенія Татищева къ пользуемому имъ лѣтописному матеріалу; второе приложение, содержащее Татищевскія извѣстія въ томъ видѣ, въ какомъ они имѣются въ Академической рукописи „Россійской Исторіи“, даетъ намъ возможность составить понятіе о первоначальной редакціи этихъ извѣстій, о первоначальной цѣли ихъ составленія и тѣмъ самымъ, при внимательномъ разсмотрѣніи ихъ, можетъ убѣдить насъ въ невозможности признавать вмѣстѣ съ г. Голубинскимъ Татищева, какъ автора „Россійской Исторіи“, обманщикомъ, способнымъ на литературный подлогъ; третье изъ упомянутыхъ приложений представляетъ перечень древне-русскихъ словъ и выраженій, переведенныхъ нашимъ Историкомъ на современный ему языкъ, можетъ имѣть какъ практическое значеніе, напримѣръ, при чтеніи нашихъ лѣтописей для лучшаго разумѣнія непонятныхъ древне-русскихъ словъ и выраженій, такъ и теоритическое при рѣшеніи вопроса о сознательномъ отношеніи Татищева къ пользуемымъ имъ древне и старинно-русскимъ лѣтописямъ.

Судь о томъ, насколько удовлетворительно выполнилъ я поставленныя мною задачи въ моихъ изслѣдованіяхъ и насколько удачно разрѣшилъ вопросы, касающіеся Новгородскихъ лѣтописей и древнѣйшей части „Россійской Исторіи“

В. Н. Татищева, принадлежить ученымъ знатокамъ Русской Исторіи; нѣкоторымъ изъ нихъ, а именно профессорамъ С.-Петербургскаго Университета: В. Е. Замысловскому, В. Г. Васильевскому, почетному члену означеннаго Университета К. Н. Вестужеву-Рюмину, академикамъ А. А. Кунику и Н. А. Попову, считаю своею пріятною обязанностью принести глубокую благодарность за тѣ совѣты и указанія, которые каждому молодому изслѣдователю оказываютъ столь существенную помощь во время блужданій по обширному полю догадокъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

О НОВГОРОДСКИХЪ ЛѢТОПИСЯХЪ.

Г Л А В А I.

О первоначальной лѣтописи Великаго Новгорода.

Основная задача предлагаемаго изслѣдованія—опредѣлить время возникновенія первоначальной Новгородской лѣтописи. Но такъ какъ, по замѣчанію Срезневскаго, „вопросъ о томъ, какимъ временемъ начинались древнія лѣтописи о событіяхъ Новгородскихъ..... можетъ быть рѣшенъ только по предположеніямъ“¹, то мы сочли возможнымъ лишь привести нѣсколько данныхъ и высказать нѣкоторыя соображенія, могущія подтвердить одни предположенія о началѣ Новгородской лѣтописи, и опровергнуть другія. Прежде однако, чѣмъ приступить къ разбору данныхъ Новгородскихъ и не Новгородскихъ лѣтописей касательно разсматриваемаго вопроса, считаемъ нужнымъ разсмотрѣть тѣ предположенія и мнѣнія о древности Новгородскихъ лѣтописей, какія были высказаны въ нашей исторической литературѣ.

Патріархъ русской исторической науки, В. Н. Татищевъ, въ своей „Исторіи Россійской“, говоря о Несторѣ, что этотъ лѣтописецъ „много древностей читалъ“ и составилъ свою лѣтопись „не со словъ, но съ какихъ-либо книгъ и писемъ“, указывасть на лѣтопись Іоакима Новгородскаго, какъ на историческій памятникъ, доказывающій истинность того положенія, что „безсомнѣнно прже Нестора и задолго писатели были“². Затѣмъ, „основываясь на томъ, что при описаніи введенія христіанства въ Новгородѣ, отрывокъ лѣтописи употребляетъ глаголь въ первомъ лицѣ: „и егда пріидохомъ..... мы же стоимъ на торговой странѣ, ходихомъ по торжищамъ и улицамъ, учихомъ люди елико можахомъ..... и тако пребыхомъ два дни нѣколко сотъ крестя“ (Исторія Россійская, т. I, стр. 39) и на припискѣ въ началѣ

¹ И. И. Срезневскій, Изслѣдованія о лѣтописяхъ Новгородскихъ. *Извѣстія Акад. Наукъ по 2-му отд.*, т. II, стр. 20.

² Исторія Россійская, I, 7 и 29.

тетради: „святитель Иоакимъ написа“, Татищевъ признаетъ ея авторомъ перваго Новгородскаго епископа Иоакима“³. И такъ, по мнѣнію Татищева, древнѣйшая, дошедшая до насъ лѣтопись есть лѣтопись, составленная въ Новгородѣ первымъ епископомъ Новгородскимъ Иоакимомъ, который умеръ въ 1030 году⁴.

Вполнѣ сходно съ мнѣніемъ Татищева о древнемъ происхожденіи Иоакимовской лѣтописи мнѣніе П. А. Лавровскаго; въ своемъ „Исслѣдованіи о лѣтописи Якимовской“ онъ обращаетъ вниманіе на то мѣсто этого памятника, на которомъ Татищевъ основываетъ свое мнѣніе о его составителѣ, и приходитъ къ заключенію, что „кто бы ни былъ по имени и по званію авторъ второй половины лѣтописи Якимовской, былъ ли то епископъ Иоакимъ, или другой кто, но то, надѣмся, несомнѣнно, что онъ былъ близокъ къ эпохѣ, имъ описанной, и если не былъ современникомъ самъ крещенія Новгородцевъ, то зналъ о немъ отъ лицъ, бывшихъ тамъ или слышавшихъ отъ очевидцевъ“⁵.

П. М. Строевъ, въ предисловіи къ „Софійскому Временнику“, указывая на то, что „честь перваго летописателя русскаго принадлежитъ Нестору, монаху Кіевопечерскаго монастыря, жившему во второй половинѣ XI столѣтія“, замѣчаетъ, что хотя „нельзя отнять честь перваго летописателя у сего Печерскаго инока, но нельзя также и отрицать совершенно, чтобы не было и другихъ, ему современныхъ. Въ Новгородѣ, Смоленскѣ, Полоцкѣ, и иныхъ городахъ знатнѣйшихъ тогдашней Россіи были люди безъ сомнѣнія, столь же любопытные, какъ и Несторъ“⁶. Такимъ образомъ, по мнѣнію Строева, Новгородская лѣтопись могла существовать во второй половинѣ XI столѣтія; но была ли эта лѣтопись начальною, древнѣйшею Новгородскою лѣтописью, или уже однимъ изъ ея продолженій, никакихъ опредѣленныхъ соображеній о томъ у Строева не находимъ. На основаніи того мѣста предисловія къ „Софійскому Временнику“, гдѣ говорится, что „богатство нашей исторіи заключается наиболѣе въ лѣтописяхъ, или историческихъ запискахъ, продолжающихся почти непрерывно черезъ девять (IX—XVII) столѣтій“⁷, можно только предполагать, что Нов-

³ Лавровскій, Исслѣдованіе о лѣтописи Якимовской, стр. 82.

⁴ „6538..... преставися прьвый архименископъ Іакомъ Корсунининъ въ Новгородѣ“. П. С. Р. Л., т. XV, стр. 146.

⁵ Лавровскій, Исслѣдованіе о лѣтописи Якимовской, стр. 82—83.

⁶ Соф. Врем., изд. 1821 г., предисловіе, стр. VI и IX.

⁷ Тамъ же, стр. V.

городскую лѣтопись конца XI столѣтія Строевъ не считалъ за древнѣйшую, первоначальную.

М. П. Погодинъ, упоминая о краткихъ записяхъ, которыя, вѣроятно, велись (въ Новгородѣ) и сохранялись при церкви святаго Софія, прибавляетъ: „Можетъ быть, тотъ началъ ихъ вести, который по извѣстію, сохранившемуся въ Никоновской лѣтописи⁹, подъ г. 1030, написалъ: „преставися Новгородской епископъ Акимъ, и баше ученикъ его Ефрѣмъ, иже ны учаше“⁹ (П. С. Р. Л., т. IX, 79). Изъ этого краткаго, но вѣрнаго замѣчанія можно заключить, что Погодинъ относилъ начало краткихъ записей новгородскихъ къ первой половинѣ XI столѣтія.

И. И. Срезневскій, составляя свое мнѣніе о времени возникновенія лѣтописныхъ записей въ Новгородѣ, не имѣлъ подъ руками двухъ позднѣйшихъ списковъ I-й Новгородской лѣтописи (Коммисіоннаго и Толстовскаго) и притомъ не обратилъ вниманія на извѣстіе о крещеніи Новгорода, которое, отсутствуя въ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“, имѣется во многихъ лѣтописяхъ позднѣйшаго происхожденія¹⁰, а также на предисловіе Софійскаго Временника, которое сохранилось въ Толстовскомъ спискѣ I-й Новгородской лѣтописи¹¹ и

⁹ Также въ Соф. I (П. С. Р. Л., V, стр. 136), въ Твер. (П. С. Р. Л., XV, стр. 146), въ Лѣтописи по Архивскому сборнику (Новгородскія лѣтописи, изд. 1879 г., стр. 2), въ Краткомъ Лѣтописцѣ Новг. владыкъ (тамъ же, стр. 130).

⁹ М. П. Погодинъ, Новгородскія лѣтописи. Изв. 2-го отд. Акад. Наукъ, т. VI, стр. 231).

¹⁰ I-я Новгор. лѣт. по спискамъ Ком., Толст. и Акад. (последній—въ *Продолженіе Др. Рос. Визлѣовики*, ч. II, стр. 310—311); Софійская I-я лѣт. (П. С. Р. Л., V, 121); Лѣтопись по сборнику Архивскому (Новгородскія лѣтописи, изд. 1879 г., стр. 1 и 2); Краткій лѣтописецъ Новгородскихъ владыкъ (тамъ же, стр. 130); Лѣтописецъ Новгородскій церквамъ Божиимъ (тамъ же, стр. 172—173); Архангелогородскій лѣтописецъ, стр. 34 (по изд. 1781 г.); Воскресенская лѣт. (П. С. Р. Л. VII, 313); Тверская лѣт. (П. С. Р. Л., XV, 114); Псковская I-я лѣт. (П. С. Р. Л. IV, 175); Никоновская лѣт. (П. С. Р. Л., IX, 63—64, 64—65); Супрасл. рукопись, издан. 1836 года, стр. 10 и 11.

¹¹ Погодинъ въ своемъ превосходномъ трудѣ „Новгородскія лѣтописи“ (*Изв. Акад. Наукъ, по 2-му отд.*, т. VI, стр. 219—220), упоминая о началѣ Новгородскаго лѣтописнаго свода, говоритъ что то начало, которое „сохранилось въ Толстовскомъ спискѣ..... было и въ прочихъ (то-есть, въ Синодальномъ, Академическомъ; Коммисіоннаго списка Погодинъ не имѣлъ подъ руками). Нѣтъ никакого права предполагать, что этого начала тамъ не было“.

въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ лѣтописяхъ (во всѣхъ спискахъ Соф. I-й лѣт.: П. С. Р. Л., V, 86—87, во всѣхъ спискахъ Воскр. лѣт.: П. С. Р. Л., VII, 266—267 и въ Тверской лѣт.: П. С. Р. Л., XV, 26—28). Поэтому, при всей своей замѣчательной наблюдательности, Срезневскій усумнился въ возможности когда-либо отыскать начало Новгородской лѣтописи¹². Но высказывая такое сомнѣніе, и въ силу его не вида возможности разрѣшить „вопросъ, въ какое время начата была Новгородская лѣтопись въ первый разъ“, Срезневскій упомянулъ только, что „изъ числа новгородскихъ событій, замѣченныхъ въ лѣтописяхъ, есть нѣсколько не только изъ X вѣка, но и до X“, и на основаніи разсмотрѣнія этихъ извѣстій, сдѣлалъ слѣдующее предположеніе: „Нельзя не заключить, что лѣтописи Новгородскія начинались годами этого отдаленнаго времени и заключали въ себѣ не только краткія указанія, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ и кое-какія подробности“. Далѣе Срезневскій говоритъ, что „событія записывались въ Новгородѣ скоро послѣ того, какъ случились, не только въ XII вѣкѣ, но и въ XI и даже въ X“. Сопоставляя это послѣднее положеніе почтеннаго ученаго съ другими его заключеніями, а именно, „что въ одно и то же время ведены были русскія лѣтописи въ разныхъ мѣстахъ различныя“¹³, „что древнѣйшія лѣтописи велись въ Новгородѣ и Кіевѣ“, и что „въ X вѣкѣ до Владиміра Святаго были у насъ лѣтописцы“¹⁴, мы видимъ, что существованіе первоначальной лѣтописи состоящей изъ погодныхъ замѣтокъ, „безжизненныхъ по изложенію, безсвязныхъ по взаимному соотношенію“¹⁵, Срезневскій допускалъ въ Новгородѣ и въ Кіевѣ одновременно, въ X вѣкѣ до Владиміра Святаго.

С. М. Соловьевъ полагалъ, что пачальная Новгородская лѣтопись возникла „единовременно съ начальною южною или Кіевскою лѣтописью, и замѣтилъ, что „на основаніи извѣстія (о смерти Нов-

¹² „Такъ первые 120 листовъ одной изъ самыхъ замѣчательныхъ лѣтописей Русскихъ утрачены на всегда. Одного и, можетъ быть, самого важнаго пособія для рѣшенія вопроса о содержаніи древнѣйшаго періода Новгородскихъ лѣтописей нѣтъ и, какъ кажется, послѣ тщательныхъ изысканій Я. И. Бердникова, нѣтъ навсегда“ (*Срезневскій, Изслѣдованія о лѣтописяхъ Новгородскихъ. Изв. Акад. Наукъ по 2-му отд.*, т. II, стр. 29).

¹³ Тамъ же, стр. 23.

¹⁴ *И. И. Срезневскій, Памятники X-го вѣка до Владиміра Святаго. Изв. Акад. Наукъ по 2-му отд.*, т. III, стр. 63 и 66.

¹⁵ Тамъ же, стр. 52.